

РОСТОВСКИЙ ИСТФАК: ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XX ВЕКА

В.С. Савчук

Аннотация. В публикуемых воспоминаниях Вячеслава Сергеевича Савчука содержится разнообразный материал о Ростовском (Южном федеральном) университете и его историческом факультете, где автор проработал 38 лет. Приехавший в незнакомый город, он имел возможность нестереотипно воспринимать своих новых коллег, те события и явления, свидетелем, а иногда и участником которых он был. В публикуемом фрагменте мемуаров автор рассказывает о своих первых впечатлениях о Ростовском университете, о восприятии им такой незаурядной личности, как ректор РГУ Ю.А. Жданов, о декане исторического факультета в конце 1970-х–начале 1980-х гг. А.И. Козлове, о «ветеранах» истфака – профессорах И.П. Хлыстове, Ю.И. Сером, Е.И. Демешинной. В.С. Савчук вспоминает также своих бывших коллег, принадлежащих примерно к тому же поколению, что и он, – А.В. Лубского, Э.Г. Алавердова, А.И. Нарезного, И.М. Узнародова, А.П. Логунова. Иногда он сопоставляет мнения о Ростовском университете тех, для кого он является alma mater, и тех, кто приехал в Ростов-на-Дону из других городов. Как отмечает сам автор, его мемуары, конечно, субъективны, но откровенны и искренны. В.С. Савчук предлагает не «иконописные образы», а живые портреты ростовских историков. Он хотел бы донести до следующих поколений тот образ ростовского истфака, который запечатлелся в его памяти.

Ключевые слова: Ростовский университет, исторический факультет РГУ, ректор Ю.А. Жданов, профессор А.И. Козлов, профессор И.П. Хлыстов, профессор Ю.И. Серый.

ROSTOV HISTORICAL FACULTY: MEMORIES ABOUT 1980s

V.S. Savchuk

Abstract. The published memoirs of Vyacheslav Sergeevich Savchuk contain variety of materials about Rostov (Southern Federal) University and its historical faculty, where the author worked for 38 years. Arriving to an unfamiliar city, he had the opportunity to non-stereotypically perceive his new colleagues and those events and phenomena, which he witnesses, and in which he sometimes participated. In this part of the memoirs the author present his first impressions about the Rostov University including its Rector Yuriy Zhdanov who was an outstanding person, the Dean of History faculty in the end of 1970s–beginning of 1980s Alexander Kozlov, other old professors such as Ivan Hlystov, Yusef Sery, Elena Demishina. The author also reminded other professors who belonged to the same generation of historians as he himself, among them Anatoly Lubsky, Emmanul Alaverdov, Anatoly Narezhny, Igor Uznarodov, Alexey Logunov. In some parts of the memoirs the author compares opinion about the Rostov University of those who considered it as Alma mater with those opinion who was educated in other institutions and arrived from other cities. As the author himself notes, his memoirs are, of course, subjective, but sincere and honest. V.S. Savchuk offers not idealized but real portraits of Rostov historians. He conveys to the next generations the image of the Rostov historical faculty, which is imprinted in his memory.

Keywords: Rostov University, RSU Historical Faculty, rector Y.A. Zhdanov, Professor A.I. Kozlov, Professor I.P. Khlystov, Professor Y.I. Seryj.

Публикуемый фрагмент воспоминаний был написан в период с января по май 2020 г. Текстовый файл с воспоминаниями хранится в личном архиве В.С. Савчука.

«Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят – вот и все. Никогда никакого начала. Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно... Это называется жить. Но когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется; только никто этой перемены не замечает, и вот доказательство: люди недаром толкуют о правдивых историях. Будто истории вообще могут быть правдивыми; события развертываются в одной последовательности, рассказываем же мы их в обратной. Нам кажется, что мы начинаем с начала» [Сартр, 1992, с. 51]. Эти мудрые слова Жан-Поля Сартра заставляют каждого, кто обращается к мемуарному жанру, задуматься, насколько *сегодняшнее восприятие* людей, окружавших тебя 30–40 лет назад, и событий ушедшей эпохи адекватно тем переживаниям, которые ты испытывал *тогда*. Ведь за несколько десятилетий то, что казалось важным и вызывало эмоциональный «всплеск», кажется не заслуживающим внимания, а встреча, которой в свое время не придавал значения, выглядит знаменательной. Как не переносить оценки «века нынешнего» на события «века минувшего»? Еще одно обстоятельство вызывает размышления морального порядка. Рассказывая о людях, с которыми вместе работал, а часто и находился в дружеских (или, во всяком случае – приятельских) отношениях, хочется предложить не их «иконописный образ», как полагают это своим долгом многие мемуаристы, а их живой портрет, сочетающий, как у каждого человека, очень привлекательные черты с определенными слабостями и даже недостатками. При этом я отдаю себе отчет в том, что потенциальный читатель может возмутиться: «Да кто он такой, чтобы писать подобное об уважаемом NN!» Здесь уместно привести слова из «Старой записной книжки» П.А. Вяземского: «Суворов говорил, кажется, Каменскому: “Об императрице Екатерине может говорить Репнин всегда, Суворов иногда, а Каменский не должен говорить никогда”» [Вяземский, 2000, с. 158]. Но мне кажется, что не только ближайшие сподвижники или друзья имеют право оставлять свои свидетельства о личности и поступках по-своему замечательного человека. Более того, иногда следует запечатлеть не только то, чему был сам свидетелем, но и рассказ человека старшего поколения о событии, произошедшем до твоего с ним знакомства, а может быть, и до твоего рождения. Ведь вполне вероятно, что уже не осталось людей, кто этот рассказ слышал. Мои заметки об историческом факультете РГУ, о людях и событиях 1980-х гг., несомненно, субъективны. Но могу заверить, что пишу совершенно искренне. Такими мне запомнились мои коллеги и друзья, и память о них мне хочется донести до людей следующих поколений.

В Ростове-на-Дону я оказался совершенно случайно: до своего приезда на работу в университет я лично не знал в этом городе *ни одного человека*. В это трудно и сегодня поверить – тем более в это не могли поверить мои новые

сослуживцы на рубеже 1970-х–1980-х гг., когда устройство по протекции, по телефонным звонкам было обычным, широко распространенным явлением. Как только у меня появились новые приятели, я стал узнавать (большей частью в ходе дружеских вечеринок), кому я, оказывается, должен быть признателен. Версии были фантастические, назывались люди, которых я никогда не видел (например, Э.Г. Алавердов спросил меня, правда ли, что мне помог московский историк Ю.А. Поляков⁽¹⁾, будущий академик, хорошо знавший тогдашнего декана А.И. Козлова). Действительно, кто же поверит, что в один из лучших университетов страны взяли человека с улицы, и к тому же человека неостепененного, когда полным-полно своих кандидатов наук, желающих работать в РГУ?

Замечу, что в течение жизни я неоднократно убеждался в том, что жизнь нам часто преподносит самые разные сюрпризы: если они печальны, мы говорим о том, что «какой-то рок довлеет над моей судьбой», но если «колесо Фортуны» катится для нас благоприятно, то мы воспринимаем подобную ситуацию не как незаслуженную, а как само собой разумеющуюся...

Осенью 1979 г. декан исторического факультета РГУ Александр Иванович Козлов «выбил» в ректорате дополнительную ставку и решил, что надо взять второго медиевиста, учитывая, что доценту Н.В. Бакулиной, долгие годы читавшей лекции по истории средних веков, уже за шестьдесят, следовательно, надо подготовить ей «сменщика». Он послал в Москву Ю.В. Кнышенко, который на кафедре истории средних веков МГУ беседовал с профессором Е.В. Гутновой⁽²⁾, и та порекомендовала ему свою ученицу Н.А. Богодарову⁽³⁾, работавшую в Калуге. Переговоры закончились, казалось, успешно, и Н.А. Богодарова пообещала примерно через месяц приехать в Ростов-на-Дону. Но вскоре Н.А. Богодарову стали одолевать сомнения, связанные прежде всего с тем, что перспективы получить квартиру на новом месте выглядели еще туманнее, чем в Калуге. Через месяц или полтора она отказалась от предложения ростовчан, но при этом назвала мое имя. Мы с Натальей Александровной были в дружеских отношениях, вместе работали более семи лет, и она, очевидно, дала мне лестную характеристику. А.И. Козлов попросил ее, чтобы я позвонил ему. Вспоминая сейчас ту пору, я думаю о том, как с усмешкой шел на телеграф звонить неведомому мне декану, не рассчитывая на положительное решение, а скорее – из любопытства. Мой спокойный тон, видимо, понравился А.И. Козлову. Я сообщил о себе основные «анкетные данные», и А.И. Козлов попросил меня перезвонить через несколько дней. Пройдет три-четыре года, и во время какого-то застолья Александр Иванович мне скажет: «Ты, может, думаешь, что я тебя взял как “кота в мешке”? Э-э, нет, я ведь тогда позвонил ребятам из калужского Комитета (госбезопасности – В.С.), попросил дать на тебя “объективку”». Так что я про тебя все знал». (Надо иметь в виду, что до занятий наукой А.И. Козлов был офицером погранвойск. Согласно легенде, с Ю.В. Кнышенко он познакомился при экзотических обстоятельствах: Юрий Венедиктович отдыхал на юге, где в то время нес службу молодой офицер Козлов, бдительно заметивший в пограничной зоне фигуры двух скрывающихся

людей – это оказался Ю.В. Кнышенко со своей дамой. Возможные «нарушители границы» были отпущены, а Ю.В. Кнышенко и А.И. Козлов с тех пор стали друзьями, хотя трудно представить двух столь противоположных по увлечениям и образу жизни людей! Если эта легенда и не вполне соответствует реалиям, она, тем не менее, очень ярко характеризует обоих моих бывших коллег).

И вот в 1979 г., в последний день октябрьских праздников, я приезжаю в незнакомый город, зная только номера домашних телефонов А.И. Козлова и Ю.В. Кнышенко. Приезжаю в зимнем пальто и шапке, а в городе все ходят еще в легких осенних плащах... Звоню из автомата Александру Ивановичу, а он в свою очередь дает мне номер домашнего телефона Ивана Павловича Хлыстова: «Переночуете у своего будущего зав. кафедрой, а утром приходите в университет, будем оформлять Вас на работу!»

Таким образом, И.П. Хлыстов оказался первым человеком, с которым я познакомился в Ростове. Жил он в самом центре, «в доме старых большевиков, где и Юрий Андреевич Жданов живет», как он мне поспешил сообщить в первые минуты разговора. Об Иване Павловиче и Юрии Андреевиче я расскажу чуть позже, а сейчас – о впечатлениях первого дня в университете. Что запомнилось и вызвало внутреннюю усмешку, так это то, что все руководители, к кому меня водили и представляли, – сначала декан А.И. Козлов, потом – проректор по учебной работе А.М. Юрков, затем – проректор по научной работе В.П. Григорьев – считали своим долгом подчеркнуть, понимаю ли я, что буду работать в третьем по значимости университете страны? Ведь это большая честь! Кажется, только первый проректор В.И. Седлецкий (последняя «инстанция», куда меня водили) ничего не сказал, поставил свою визу (вероятно, «в приказ»), сказал буквально одно-два предложения, и мы с И.П. Хлыстовым вышли из ректората. Ко времени моего приезда в Ростов я уже хорошо усвоил, что есть по меньшей мере 5–6 университетов, считающих себя «третьими». В этом все были уверены в Воронеже, где я учился и начинал работать, об этом же говорили мне в Саратовском университете, куда я ездил в 1977 г. на научную конференцию, такая же убежденность, по слухам, существовала в Свердловском и Горьковском университетах и т.д. Никто не претендовал на 1–2 места (их прочно занимали Москва и Ленинград), но никто не собирался довольствоваться четвертым или пятым местом... В связи с этим я вспоминаю слова из замечательной и очень популярной (как сказали бы сейчас, культовой) в 1960-е гг. повести Бориса Балтера «До свидания, мальчишки!», герой которой замечает о своем родном городе: «Было принято считать, что наш пляж занимает второе место в мире. Говорили, что первое принадлежит какому-то пляжу в Италии, на побережье Адриатического моря. Где и когда проходил конкурс, на котором распределялись места, никто не знал...» [Балтер, 1991, с. 71].

Те, кто помнит жизнь в «стране Советов», наверно, не забыли о порочном круге, с которым сталкивался едва ли не каждый приезжавший на работу в другой город. Суть в том, что на работу не брали без прописки, а прописывали только тогда,

если есть работа... Исключение составляли ехавшие по распределению молодые специалисты и еще несколько категорий «ценных работников». Но, как говорил историк В.О. Ключевский, суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Все руководители при желании находили «обходные пути». А.И. Козлов при первом же разговоре со мной позвонил (с 4-го этажа на 5-й главного корпуса РГУ) зав. аспирантурой РГУ: «Выручайте! Я беру на работу молодого человека, надо дать ему справку, что он у нас аспирант, и мы его поселим пока вместе с аспирантами!» Тот что-то долго в ответ говорил (возможно, прикидывая в уме, какую ответную услугу окажет ему декан истфака), но в конце концов я получил и необходимую справку для временной прописки в общежитии, и направление в общежитие (дали мне место в комнате с двумя аспирантами – философского факультета и мехмата).

Уходя из отдела аспирантуры, я спросил, к кому мне обратиться в общежитии. «К Нарезному». «А как его зовут?» «Анатолий». «А отчество?» «Не знаю. Просто – Анатолий». Так что в ноябре 1979 г. Анатолия Ивановича Нарезного еще не называли по имени-отчеству, еще не предполагали, что пройдет не так уж много лет, и он станет на долгие годы первым проректором РГУ. Забегая вперед, скажу, что с А.И. Нарезным за почти четыре десятилетия работы в университете я сталкивался мало. Когда я жил в общежитии на ул. Зорге (сначала, до лета 1980 г., в комнате с аспирантами, а потом – в отдельной небольшой комнате), то познакомился с очень многими аспирантами и молодыми преподавателями. Часто меня приглашали «посидеть вместе» (что в России означает застолье, причем «холостяцкое» – с очень скромной закуской и обильной выпивкой), но на этих вечеринках я ни разу не видел А.И. Нарезного. Возможно, уже тогда он наметил «программу действий» и строго следовал тому, чтобы соответствовать в быту этой программе. Самое большее, что он себе позволял, это игра в волейбол. Когда Анатолий Иванович стал проректором, у меня не было особых поводов ходить к нему на прием. Только раза два вместе с уже ставшим деканом И.М. Узнародовым я ходил к нему подписывать бумаги для поездки в ФРГ. А.И. Нарезный был вежлив, в меру доброжелателен, но не более того. Лишь постепенно, узнав, что они с Узнародовым, несмотря на разницу в возрасте, бывшие однокурсники (Нарезный поступил в университет после армии, а Узнародов – со школьной скамьи), я постигал сложность их взаимоотношений. Дважды, как это часто бывает, эта «сложность» невольно прорвалась в обнаженном виде у осторожного Игоря в разговоре со мной, поскольку мы долгое время были в дружеских отношениях. Когда, не дожив до 50 лет, летом 1996 г. скончался наш общий друг Э.Г. Алавердов, меня не было в Ростове. При первой после возвращения встрече с И.М. Узнародовым мы вспоминали ушедшего столь рано из жизни Манука (так по-дружески его многие называли), а потом я спросил: «А кто же теперь будет заведовать кафедрой?». Игорь мне сказал, что предварительно уже обсуждали этот вопрос на кафедре отечественной истории досоветского периода и решили рекомендовать Наталью Васильевну Самарину. «Сейчас я уйду в отпуск, а вернусь – будем

все официально оформлять. Без меня все равно такой вопрос никто не решит». Но вскоре после этого на факультете стали говорить, что на кафедру переходит на полставки А.И. Нарезный – вероятно, он и будет заведующим. Так и произошло. Оказывается, в отсутствие декана И.М. Узнардова Анатолий Иванович напрямую обратился к ректору А.В. Белоконову, и тот распорядился «избрать» зав. кафедрой Нарезного. В одном из первых разговоров с Игорем после его возвращения из отпуска я спросил, как же так случилось, что не посчитались с мнением членов кафедры. Ответ Узнардова мне запомнился: «Славик, я тут сделать ничего не мог. Как известно, “против лома нет приема”». Я тогда понял, что эта ситуация для самолюбивого Игоря была неприятной. И он ее не забыл, о чем свидетельствует другой разговор, произошедший лет через десять. Но о нем – позже.

Рассказывать о Ростовском университете, не упомянув имени Ю.А. Жданова, невозможно. С ним я никогда не имел никаких дел, никогда не беседовал вдвоем, наедине, но, тем не менее, свое представление о его роли в истории РГУ и свое видение этой незаурядной личности у меня есть. Меня представил Юрию Андреевичу на майской демонстрации 1980 г. Юрий Венедиктович Кнышенко. Ю.А. Жданов спросил, какая у меня тема диссертации, но, видимо, история полабских славян оставила его равнодушным, и больше вопросов он мне не задавал, пожелав успеха в дальнейшей работе. Позже я часто встречал Юрия Андреевича в книжных магазинах и завидовал тому, что он выходит из кабинета директора «Дома книги» с хорошо упакованным свертком, видимо, «дефицитных» книг, а я на свою преподавательскую зарплату в 105 руб. вынужден покупать книги на «черном» рынке (подружившись с Ю.В. Кнышенко, мы впоследствии часто в воскресенье вместе ездили на «книжную толкучку»: ведь даже зав. кафедрой «дефицитные» книги по номинальной цене не выдавали!). Надо отдать должное Юрию Андреевичу: когда в стране все изменилось и книги перестали быть дефицитом, он по-прежнему обходил книжные магазины и покупал многие новые издания! Уже в 2000-е гг., когда я работал на полставки в журнале «Известия вузов», Ю.А. Жданов, будучи главным редактором, несколько раз приходил на заседания редколлегии и даже оставался после окончания их официальной части. Скромное застолье тогда превращалось в нескончаемую череду тостов за здоровье Юрия Андреевича, его интересных рассказов и возгласов дам: «Ах, как интересно!», «что Вы говорите, а я и не знала!» и т.п.

За свою жизнь я знал различных руководителей, в том числе и очень авторитетных. Но сказать, что Юрий Андреевич пользовался уважением и авторитетом в коллективе РГУ, – значит ничего не сказать. Это был не авторитет, это было особое, чуть ли не мистическое отношение. В первый год своей работы я очень удивлялся, когда слышал на факультете передаваемые друг другу слова: «Юрий Андреевич пришел в корпус» (как правило, Ю.А. Жданов работал в здании Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ), но

несколько раз в месяц приходил и в главный корпус РГУ, где тогда размещался истфак). В переводе на доступный язык это означало: «Бог спустился на Землю». Некоторые коллеги даже норовили под каким-то предлогом оказаться на втором этаже: а вдруг в этот момент Ю.А. Жданов выйдет из своего кабинета, и можно будет с ним поздороваться! Замечу, что, когда я работал в редакции журнала, размещавшейся тогда в здании СКНЦ ВШ, то довольно часто в коридоре или у входа встречал Ю.А. Жданова. Он всегда протягивал руку, хотя, конечно, не помнил, как моя фамилия... Но внешняя доброжелательность тоже приятна.

Несомненно, Юрий Андреевич исключительно много сделал для развития Ростовского университета (например, кроме факультетов, в РГУ появился целый ряд серьезных НИИ) и, более того, в целом для развертывания научных исследований в Северо-Кавказском регионе. Из всех руководителей подобного уровня он был самым знающим (по нашим меркам, едва ли не энциклопедически образованным), искренне любившим культуру во всем ее разнообразии и, что тоже запомнилось, прекрасно выступавшим человеком. В отличие от «казенных» ораторов, Ю.А. Жданов стремился и умел связать разговор о конкретных задачах университета с постановкой более общих социальных и культурных проблем. При этом он любил «ввернуть» (как бы небрежно!) в свою речь цитату или мысль не только Маркса или Ленина, но, что всех поражало, Аристотеля, Декарта, Гегеля или еще кого-то из великих мыслителей. «Товарищи, вы, наверно, помните это место у Декарта в его “Рассуждениях о методе”», — говорил Юрий Андреевич, и абсолютное большинство присутствующих «товарищей», с трудом вспоминая, кто такой Декарт, просто «млели» от гордости за своего руководителя. Иногда, как мне кажется, Ю.А. Жданов утрачивал чувство меры.

Так произошло, что в 1983 г., в недолго продолжавшийся «андроповский» период, когда увлеченные свалившейся на них властью над людьми дружинники с упоением проверяли документы у посетителей кинотеатров или парикмахерских, а угодливые интеллектуалы занялись контрпропагандой, меня на несколько месяцев назначили и.о. зам. декана по учебной работе, а и.о. декана — Владимира Николаевича Шевелева (декан А.И. Козлов уехал на «повышение квалификации»). В.Н. Шевелев не любил ходить на бесконечные заседания в ректорате и иногда просил меня его заменить. И вот так, по сути дела случайно, я попал на совещание «партийно-хозяйственного актива», на котором с программной речью выступил Ю.А. Жданов. Речь, продолжавшаяся, вероятно, часа полтора, была посвящена, как бы это высокопарно ни звучало, подведению исторических итогов всего XX столетия! (Замечу, что до окончания века оставалось еще больше 17 лет, а события, произошедшие через 5–10 лет, перечеркнули все «исторические итоги»!). Но даже тогда, в отвратительно гнусную, на мой взгляд, «эпоху Андропова», когда нельзя было и мечтать о «вольностях» Перестройки, меня просто шокировали некоторые рассуждения

Юрия Андреевича. Он легко «прошелся» по всем достижениям ведущих стран мира, пренебрежительно противопоставив их достижениям Советского Союза. Например: «Что дали американцы мировой культуре? Да, был у них хороший писатель Джек Лондон... Ну, некоторым нравится еще Фолкнер, но честно признаемся, нравится ли он нам, товарищи? (Одобрительный гул и смех в зале). Да, вот у итальянцев неореализм. Есть неплохие фильмы. Но, товарищи, ведь надо признать — это далеко не Ренессанс...» (снова одобрительный гул в зале). И в таком же тоне о «достижениях» Англии, Франции, Японии и других стран. Когда все выходили из зала, слышались только восторженные отзывы: «Вот как надо вести контрпропаганду! Молодец Юрий Андреевич!» Я и тогда, непосредственно после выступления Ю.А. Жданова, и теперь, по прошествии 37 лет, задавал себе вопросы: «Как мог эрудированный и умный человек говорить столь высокомерно-пренебрежительно о достижениях большинства развитых стран мира? В какой степени он верил тому, что говорил? Или, будучи представителем власти, он считал своим долгом говорить то, что требовала «злоба дня», и тратил свой талант лишь на то, чтобы облечь ложные построения в нетривиальную форму? Прошло несколько дней, и меня встретил Михаил Абрамович Люксембург. Помню, он сразу же спросил: «Слава, Вы случайно не были на этом собрании, где выступал Юрий Андреевич?» Я ответил, что совершенно случайно был. Он попросил меня изложить выступление Ю.А. Жданова, а потом спросил, что я об этом думаю. «Слава, мне до нашего разговора звонило несколько человек. Все в неописуемом восторге. Вы — первый, кто высказался иначе. Я и раньше Вас уважал, но теперь, — с усмешкой сказал Михаил Абрамович, — буду уважать еще больше. Вы мыслите самостоятельно, а не так, как все!»

Второй случай, который меня, мягко говоря, удивил, связан с одним интервью, которое Ю.А. Жданов дал, судя по тексту, одному знакомому журналисту. В нем речь идет не только о современных делах, но и о военном времени, о первых послевоенных годах. Журналист вспоминает отца Юрия Андреевича и известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»⁽⁴⁾. И как реагирует Ю.А. Жданов? Он спокойно отвечает (явно разыгранный спектакль!), что постановление было продиктовано заботой о советской культуре, тревогой отца в связи с наметившимися негативными тенденциями в литературе. И далее — потрясающая деталь! — Юрий Андреевич сравнивает выступления А.А. Жданова со статьями — кого бы вы думали? — самого В.Г. Белинского... Мол, Белинский критиковал Гоголя, мой отец — Ахматову и Зощенко, но оба они беспокоились о судьбах отечественной культуры...

Вот поэтому сегодня, когда некоторые ростовские гуманитарии пытаются сделать из Ю.А. Жданова великого мыслителя, чуть ли не равного В.И. Вернадскому, мне хочется сказать им, что тем самым они вредят памяти о Юрии Андреевиче. Он был, еще раз повторю, знающим человеком, прекрасным организатором науки, много сделавшим для развития Ростовского

университета, но ни историком, ни философом – в высоком смысле этого слова – не был. Он был способен, насколько позволяла система, которой он преданно служил, на благородные поступки. Достаточно вспомнить, что еще молодым человеком он пытался противостоять «злому гению» советских биологов Т.Д. Лысенко⁽⁵⁾, а будучи на посту ректора РГУ, смягчил печальную судьбу крупнейшего ростовского философа М.К. Петрова⁽⁶⁾. И это мы не должны забывать. Я иногда думаю и о том, как жаль, что Юрий Андреевич не решился (или счел ненужным?) написать обстоятельные мемуары обо всем, что он видел и слышал в «коридорах власти» почти за 70 лет. Ведь в начале XXI века он был едва ли не последним свидетелем и даже участником «большой политики» конца 1940-х–начала 1950-х гг. и мог бы многое поведать современникам. Но, очевидно, он в силу своего воспитания считал, что «кремлевские тайны» должны оставаться неведомыми «простому советскому человеку». А ведь рассказывать Ю.А. Жданов умел. Вот небольшое свидетельство. Мой троюродный брат, профессор МГУ А.С. Владыченский, в начале 2000-х гг. (кажется, в 2003 г.) был на встрече ведущих ученых Московского университета с Ю.А. Ждановым. Встреча была приурочена к 50-летию окончания строительства «высотного» здания МГУ на Ленинских горах и, судя по всему, состоялась по инициативе Юрия Андреевича. Жданов всех очаровал своим непринужденным интересным рассказом, причем неоднократно подчеркивал мысль о том, какое пристальное внимание уделял ЦК КПСС развитию науки⁽⁷⁾.

По-своему замечательным человеком (в старинном толковании этого выражения) был Иван Павлович Хлыстов. Когда я приехал в Ростов, он являлся заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков, хотя никакого отношения ни к антиковедению, ни к медиевистике не имел. Он читал лекционный курс по новой истории стран Азии и Африки, а в научном плане считался специалистом по истории СССР второй половины XIX–начала XX в. (его докторская диссертация была посвящена генезису капитализма на Дону). Вот такая сложная «конфигурация»! Когда в 1977 г. кафедру всеобщей истории решили разделить на две кафедры, нужен был второй, наряду с Н.А. Акимкиной, доктор наук. И тогда попросили И.П. Хлыстова «временно позаведовать». Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное... Став официально заведующим, Иван Павлович и не думал уже кому-то это «кресло» уступать! На его беду, на кафедре работала бдительная Н.В. Бакулина, а на заочном отделении факультета учился великовозрастный сын И.П. Хлыстова... Прошло, наверно, чуть больше года после моего приезда в Ростов, как на одном заседании Совета факультета слово взяла Н.В. Бакулина и сразу сообщила, что будет говорить о «подлоге, который совершил Иван Павлович». Надо сказать, что случай довольно обычный: сын И.П. Хлыстова дважды не мог сдать экзамен по истории средних веков Н.В. Бакулиной, и тогда отец во время отпуска Н.В. Бакулиной попросил преподавателя В.Н. Шевелева, работавшего на нашей кафедре, принять экзамен у его сына. Ясно, что это было сделано не вполне законно, но на подобные нарушения большей частью «смотрят сквозь пальцы». Наталья Васильевна,

однако, решила в полной мере свести какие-то давние счета с И.П. Хлыстовым и стала писать бумаги во все инстанции. В конце концов, Ивану Павловичу пришлось подать заявление об уходе с поста заведующего «по собственному желанию». Но на заседание кафедры, где рассматривался этот вопрос (об уходе И.П. Хлыстова и о назначении Ю.В. Кнышенко на должность заведующего), Н.В. Бакулина по своей привычке опоздала, а пришедший на заседание кафедры декан А.И. Козлов все успел сказать за пять минут, без всякого, конечно, обсуждения! Так что миг своего торжества Наталья Васильевна пропустила. Когда она пришла на заседание, уже председательствовал Ю.В. Кнышенко. «А когда главный вопрос будем рассматривать?» – спросила Н.В. Бакулина. Ю.В. Кнышенко спокойным голосом: «Наталья Васильевна, Вы немного опоздали. Организационный вопрос кафедра уже рассмотрела». Надо было видеть лицо Н.В. Бакулиной!..

Что касается Хлыстова, то он в мою бытность он выглядел спокойным, умудренным жизненным опытом и доброжелательным человеком. Но, полагаю, что у него, как у всякого старого большевика (когда в конце брежневской эпохи учредили значок «50 лет в КПСС», Иван Павлович – один из немногих в университете – его получил), в прошлом было немало драматических ситуаций, тем более что в 30-е годы он был на партийной работе в Москве. Однажды он пригласил членов кафедры на свою открытую лекцию, и я должен сказать, что сидел на его лекции без напряжения, ибо он вел беседу, словно рассказывал эпизоды из своей жизни, а не трудные для изучения проблемы истории Китая. Закончил минут на пять раньше со словами: «Ну, вот и весь материал. Ничего сложного».

Всем, кто был знаком с Иваном Павловичем, он запомнился как легендарная личность, чему, несомненно, сам способствовал. Любил рассказывать различные эпизоды из своей жизни. Хотя Юрий Ефимович Журавлев, как-то оказавшийся свидетелем нашей беседы с И.П. Хлыстовым, и предупредил меня («Вячеслав Сергеевич, Вы не всегда доверяйте рассказам Ивана Павловича»), но все равно «искусство повествования» И.П. Хлыстова было столь совершенно, что я попадал впросак, не в состоянии заметить, когда начался вымысел! Дело в том, что Иван Павлович всегда начинал спокойно свой рассказ с тех подробностей, которые соответствовали действительности и даже были известны собеседнику. А через 3–5 минут он уже был «далеко от грешной земли»... Помню, он мне рассказывал о своей партийной работе в Москве (кажется, на каком-то крупном заводе), о том, что им, партийцам, неоднократно «давал советы сам Серго Орджоникидзе», а потом спросил, слышал ли я, как его в конце 1930-х гг. «сватали» на пост директора Высшей дипломатической школы. Это меня заинтриговало, и я, конечно, попросил Ивана Павловича рассказать. Много было любопытных подробностей в его повествовании. Запомнились его слова: «18 членам партии сделали такое предложение. 17 – согласились, я – отказался. Думаю, зачем мне это? Дело сложное, незнакомое. Но мной заинтересовались. Вызвали для беседы. Сначала – чины поменьше. Наконец, последняя

беседа – с Наркомом иностранных дел...». Я слушаю, разинув рот, поглощенный его убедительным рассказом, и вдруг перебиваю его, отнюдь не желая в чем-то уличить, а просто для уточнения задаю вопрос: «А наркомом был еще Литвинов?» Иван Павлович замаялся, видимо, забыв, в каком году В.М. Молотов сменил М.М. Литвинова – сначала сказал «Литвинов», тут же поправив самого себя: «Нет, уже Молотов»⁽⁸⁾. И мне все стало ясно. Ведь не мог человек забыть, если бы он действительно беседовал с В.М. Молотовым...

Особенно всех забавляли рассказы И.П. Хлыстова об общении с людьми, приехавшими из стран зарубежного Востока. Как-то и мне он пожаловался, придя с видом очень уставшего человека на кафедру: «Трудный был у меня, Вячеслав Сергеевич, вчерашний день. Позвонили из Общества дружбы с народами зарубежных стран. Говорят, выручайте, приехала арабская делегация, надо, чтобы и Вы пришли на прием... Отказаться невозможно, пошел. А там арабы из разных областей. Рядом сидел из Иордании – я его прекрасно понимаю. А напротив – из Южного Йемена, совсем другой диалект, понять было трудно...». Все уже знали подобные рассказы Ивана Павловича, но принято было ему «подыгрывать», да и всегда неудобно уличать старого человека в «хлестаковщине»...

Александр Иванович Козлов, декан исторического факультета во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., взял меня на работу в Ростовский университет, за что я ему признателен и сегодня, хотя наши отношения за тридцать лет, вплоть до его кончины в 2009 г., претерпели существенные изменения. Поддерживая меня в первые годы моей работы в РГУ и почти дружески относясь ко мне во второй половине 1980-х гг., А.И. Козлов по нелепым и до сих пор мне не вполне понятным причинам резко сменил «милость на гнев» в начале 1990-х гг. Правда, постепенно, помня о том хорошем, что он для меня когда-то сделал, я постарался «выправить» наши отношения, и Александр Иванович снова стал мне дарить свои книги, хотя в дарственных надписях слово «дорогому» уже отсутствовало...

К тому времени (начало 2000-х гг.) А.И. Козлов вступил в конфликт едва ли не со всеми членами своей бывшей кафедры. Когда он скончался, то на поминках присутствовали ученые из других городов и областей, но, кажется, никого из членов кафедры не было... Печально. Но это определялось и трудным характером Александра Ивановича, и внутренней противоречивостью всей его личности. Попробую объяснить, как я его воспринимал.

Александр Иванович вышел, как говорили в советское время, «из самых глубин народа». В партию он вступил еще при Сталине (помню его слова об этом при обсуждении уже в эпоху «перестройки» спектакля в Ростовском драматическом театре) и, очевидно, разделял все идеологические догмы периода «позднего сталинизма». Служба в армии вряд ли способствовала демократизации поведения и либерализации мировоззрения А.И. Козлова. Но – в чем ему не отказать! – он обладал пытливым умом, исключительной настойчивостью и работоспособностью.

Поэтому его не устроила даже самая удачная карьера офицера или военного журналиста. Его манила наука. Окончив в достаточно солидном возрасте истфак, а затем и аспирантуру, Александр Иванович до конца жизни был убежден в том, что учиться, а тем более – работать в Ростовском университете – это великое благо, ради которого можно перетерпеть любые житейские трудности. (Мне он со смехом рассказывал, как, уже будучи преподавателем и женатым человеком, делил одну комнату с другим преподавателем, тоже женатым. «Вот так за шкафом и занавесочкой и жили две семьи некоторое время», – успокаивал он меня!) Поэтому он искренне возмущался, когда представители молодого поколения требовали быстрого решения бытовых проблем.

Расскажу о двух случаях, о которых, кроме меня, сейчас, вероятно, никто не помнит. Они произошли в начале 1980-х гг., когда А.И. Козлов решил – и здесь он мыслил широко, с расчетом на дальнейшую перспективу гармоничного развития факультета – укреплять кафедры всеобщей истории. Сначала он принял на работу (вместо ушедшей на пенсию Н.В. Бакулиной) только что закончившую МГУ (по кафедре истории средних веков) Н.А. Чеснокову. Она писала дипломную работу под руководством С.П. Карпова (будущего академика РАН и многолетнего декана истфака МГУ) и занималась классическими языками у профессора А.Ч. Козаржевского⁽⁹⁾. Видимо, она пожаловалась последнему на то, что ей не выделили сразу отдельной комнаты. А.Ч. Козаржевский, явно неравнодушно относившийся к Наташе Чесноковой, написал личное письмо Ю.А. Жданову, надеясь, очевидно, на то, что Юрий Андреевич положительно решит этот вопрос. Но Ю.А. Жданов на уголке его письма написал указание первому проректору «Разобраться», а тот, в свою очередь, адресовал подобные слова А.И. Козлову. Ю.В. Кнышенко рассказывал мне, как это возмутило Александра Ивановича: «Девчонка! Не понимает, как ей повезло! Со студенческой скамьи попала в один из лучших университетов, так еще на нас жалуется...». Наталья Александровна Чеснокова, проработав несколько лет на кафедре истории древнего мира и средних веков, по собственному желанию уехала из Ростова...

Второй случай был еще более любопытным. А.И. Козлов решил взять на факультет востоковеда с хорошим знанием какого-либо из восточных языков. Для этой цели он вновь командировал своего приятеля Ю.В. Кнышенко, только не в Москву, а в Ленинград. И тот (дело было весной) на Восточном факультете предварительно договорился с выпускником Сергеем Вradiем⁽¹⁰⁾, знающим китайский язык и согласившимся поехать на работу в Ростов-на-Дону. Вскоре он вместе с женой приехал для ведения уже конкретных переговоров. Помню, как мы собрались в квартире Ю.В. Кнышенко и, можно сказать, поднимали бокалы за нашего нового коллегу, а Юрий Венедиктович говорил, как важно будет «развернуть» в Ростове, на перекрестке исторических путей разных народов, восточное направление. Дальнейшие события перечеркнули эти надежды. Произошло то, что я нередко наблюдал в своей жизни: ростовчане считают, что их город и их

университет прекрасны, а для москвичей и ленинградцев (петербуржцев) — это «почти захолустье», как, впрочем, и Воронеж, и Саратов, и Нижний Новгород... (Когда моя жена, работавшая в Москве в ЦГАОР⁽¹¹⁾ — ныне Государственный архив РФ, — сказала, что она выходит замуж и уезжает в Ростов-на-Дону, ее сослуживцы были просто в ужасе! Шутя, сравнивали ее с женами «декабристов», уехавшими за мужьями в Сибирь!) Вот и С.Ю. Вradiй, а особенно его жена, неправильно расценили доброжелательное отношение со стороны возможных будущих коллег. Они предположили, что раз в работе востоковеда так заинтересованы, то можно требовать быстрого решения квартирного вопроса. В итоге переговоры с Козловым не завершились принятием на работу С.Ю. Вradiя. Обе стороны остались недовольны друг другом, но «корабли еще не были сожжены»: Александр Иванович дал С.Ю. Вradiю определенный срок (кажется, до 15 августа) для принятия окончательного решения. И тут началась «психологическая игра»: желая показать, что он долго все взвешивает, С.Ю. Вradiй позвонил на день позже. А А.И. Козлов ему спокойно ответил: «Молодой человек, место уже занято, вчера истек срок нашего договора. А сегодня я подписал продление трудового соглашения с профессором И.П. Хлыстовым». Что было потом, в деталях не знаю, но в начале сентября, как рассказывал мне Ю.В. Кнышенко, из Отдела науки ЦК КПСС позвонили первому проректору РГУ Н.Ф. Лосеву и просили взять на работу С.Ю. Вradiя («В приемной ЦК его жена плачет и упрашивает помочь!»). Н.Ф. Лосев вызвал Козлова, но тот был непреклонен: «Какой-то мальчик думает, что из нас можно веревки вить! Я с ним работать не желаю!» С.Ю. Вradiй остался без места университетского преподавателя, а наш факультет — без человека, знающего один из основных языков в мире. На место второго преподавателя истории стран Азии и Африки был вскоре взят Николай Иванович Хорошевский, защищавший кандидатскую диссертацию даже не по истории, а о «социалистическом типе личности»... Но, возвращаясь к рассказу об А.И. Козлове, замечу, что и в случае с Н.А. Чесноковой, и особенно — в ситуации с С.Ю. Вradiем он показал выпускникам столичных вузов, как надо дорожить работой в Ростовском университете.

А.И. Козлов в 1983 г. по собственному желанию (в данном случае это не эвфемизм) покинул пост декана, а на эту должность был избран (фактически — назначен ректоратом и парткомом) В.Н. Шевелев. Думаю, что подспудно Александр Иванович надеялся, что «наверху» будут его уговаривать остаться руководителем факультета, но этого не произошло. С тех пор и едва ли не до своей кончины А.И. Козлов ревностно следил за деятельностью деканов (ему довелось работать еще при трех — В.Н. Шевелеве, В.Е. Максименко и И.М. Узнародове) и постоянно, особенно в 1980-е гг., их критиковал. Думаю, что в рамках советской административной системы А.И. Козлов был энергичным и в целом немало сделавшим полезного для факультета руководителем. Но вряд ли он смог бы смириться, если бы остался деканом до конца 1980-х гг., со свободным обсуждением ключевых проблем жизни университета и факультета. Интересно было наблюдать эволюцию взглядов Александра Ивановича во

второй половине 1980-х гг. У меня все же сложилось впечатление (и в то время, и теперь, по прошествии тридцати лет!), что эту эволюцию нельзя объяснить только его «конъюнктурными» соображениями, как это было, на мой взгляд, со многими сотрудниками кафедр истории КПСС. А.И. Козлов ведь много читал и, полагаю, обдумывал прочитанное (что не всегда делают даже «завзятые» читатели!). И ему все больше открывалась не «придуманная и фальсифицированная» история нашей страны в XX веке, а действительная и трагическая! Но то, что он понимал разумом, не принимала его душа (или, если говорить грубовато, его советское «нутро»). «Душа» не принимала ни либерализма, ни подлинной демократии... И с этим он ничего поделать не мог! Вот не понравилось ему мое выступление на Совете факультета, когда обсуждалась программа спецкурсов и спецсеминаров, — и он, выходя из зала заседаний, тут же беспрецедентно грубо набросился на меня! Когда он поехал в 1993 г. в ФРГ, то, как рассказывали мне немецкие коллеги, был возмущен, что он («приглашенный профессор») должен в университетской столовой стоять в очереди (пусть даже 3–5 минут) наряду со студентами. Не мог согласиться с тем, что, коль он не может выступать ни на немецком, ни на английском языке, то гонорар за прочитанную им лекцию будут делить пополам с его переводчиком. Но больше всего меня поразил один разговор с Александром Ивановичем на рубеже 1980-х–1990-х гг. Отнюдь не желая ставить его в неудобное положение, но зная, что он является одним из ведущих в стране специалистов по Революции 1917 г., я его спросил, как же теперь трактовать вопрос о социально-экономических и политических предпосылках Октябрьской революции (этому была посвящена его докторская диссертация). Козлов рассмеялся и заметил: «Да какие там предпосылки! Кучка большевиков совершила переворот — вот и всё!» Я был поражен и самим ответом, и тем, что Александр Иванович фактически перечеркивает (да еще смеясь!) основной труд своей жизни...

Возвращаясь к рассказу о первых годах моей работы в Ростовском университете. Конечно, когда я ехал из Калуги в Ростов-на-Дону, то внутренне очень беспокоился, смогу ли «прижиться» на новом месте, тем более что и Калуга была чуть ли не в три раза меньше Ростова, и, как я полагал, Ростовский университет намного крупнее и «весомее» Калужского пединститута. Но жизнь эти представления скорректировала. Меня поразило, например, в каких крошечных комнатах размещаются и кабинет декана, и некоторые кафедры (на нашей кафедре даже поставить 7 стульев — по числу преподавателей кафедры — было сложно!). Телефон нашей кафедры истории древнего мира и средних веков был параллельным с телефоном кафедры истории СССР досоветского периода (ее возглавлял тогда профессор Владимир Александрович Золотов), и по этому номеру постоянно звонила Елена Ивановна Демешина, что всегда становилось «трудным случаем»... Узнав, что она не на ту кафедру попала, Е.И. Демешина, однако, продолжала разговор, часто затягивавшийся на 30–40 минут, так что делами заняться было невозможно... Кстати, замечу, что когда я познакомился с Еленой Ивановной, то сначала подумал, что она больше напоминает бывшего комсомольского или

профсоюзного работника, а вскоре был крайне удивлен, узнав, что она недавно защитила докторскую диссертацию.

Через полтора года произошел забавный случай. Моя жена Галя, с которой мы поженились в конце февраля 1981 г., поехала летом в Москву и зашла в ЦГАОР, где она до этого работала. Естественно, ее бывшие сотрудницы стали расспрашивать, «что» и «как» в Ростове. И вдруг одна из них говорит: «Галя, ты сказала, что твой муж преподает на историческом факультете университета. А к нам недавно приходила какая-то тетка малахольная и утверждала, что она профессор из Ростова-на-Дону. Что-то не верится... Демешина ее фамилия – я даже запомнила». А вот еще один запомнившийся эпизод. Через несколько лет был в университете, как всегда в апреле, «ленинский субботник», и, как всегда, никто не знал, чем занять всех сотрудников и студентов. На каждой кафедре была уборка. Решили разобрать содержимое всех ящиков двух-трех столов, что были на кафедре. Как самый молодой, я этим занимался, другие – давали указания. И вот я наткнулся на текст отзыва И.П. Хлыстова на докторскую диссертацию Е.И. Демешиной. Замечательный текст! Из числа тех, что публикуют в рубрике «Нарочно не придумаешь». Полагаю, что его писала сама Елена Ивановна, но ведь подписал Иван Павлович! Изумительный стиль псевдонаучного отзыва... Я его много лет хранил и для удовольствия иногда перечитывал, но потом он где-то затерялся...

Хочу подчеркнуть, что ко мне Елена Ивановна всегда относилась доброжелательно, дарила сборники со своими статьями. Она многим интересовалась и во второй половине 1980-х гг. следила за всеми ранее запрещенными, а ныне публиковавшимися «новинками» русской литературы XX в. Но, как заметил мне в частном разговоре Михаил Абрамович Люксембург, «Елена Ивановна со своим мужем объездила полсвета, много читает, но, знаете, Слава, всё это – “не в коня корм”»... Забегая вперед, скажу, что последние годы жизни Елены Ивановны вызывали у всех ее коллег и сострадание, и жалость, и, мягко говоря, удивление... С трудом двигаясь, ничего не видя перед собой, она упорно не хотела уходить на пенсию, хотя декан И.М. Узнародов добился у ректора персональной надбавки к ее пенсии. Помню, я как-то шел по коридору; дверь в аудиторию, где читала лекцию Демешина, была приоткрыта: я увидел, что сидят 3–4 студента, и каждый откровенно занимается своими делами – кто-то задремал, другой читает газету... Хотя в ту пору мне было лет 55, но я подумал, что на пенсию надо уходить своевременно.

В начале 1980-х гг. меня удивило и то, что некоторые доценты и даже профессора РГУ (И.П. Хлыстов, Н.В. Бакулина) совершенно не следят за выходящей исследовательской литературой. Уровень научных докладов на первой конференции, где и я выступал в апреле 1980 г., был не выше тех, что делали мои бывшие коллеги в Калужском пединституте. Постепенно знакомясь с преподавателями других кафедр, я заметил, сколь различен круг их интеллектуальных интересов и, как теперь принято говорить, сам их дискурс.

Из людей моего поколения «звездой» тогда считался А.В. Лубский, а также постепенно приобретающие авторитет А.П. Логунов и И.М. Узнародов (они моложе меня и А.В. Лубского на семь лет). Анатолий Владимирович Лубский был учеником профессора Юзефа Иосифовича Серого и, как часто при этом добавляли, учеником самым талантливым. Несомненно, Ю.И. Серый, сам человек оригинально мыслящий, отнюдь не догматик, еще в то время, когда А.В. Лубский был студентом, подметил у него подобные качества и способствовал его продвижению.

К сожалению, я не был с Ю.И. Серым в столь приятельских отношениях, какие у меня сложились почти сразу с Ю.В. Кнышенко и М.А. Люксембургом. Но, мне кажется, проживи Юзеф Иосифович еще хотя бы несколько лет, мы бы стали друзьями. Мне всегда нравились и выступления Ю.И. Серого, и особенно – его ироничные реплики во время докладов на методологических семинарах или заседаниях Совета факультета его (и моих) более ортодоксально мыслящих коллег. Я бы, конечно, не посмел после цитаты Ленина, приводимой каким-нибудь докладчиком и рассматриваемой как истина в последней инстанции и через 60–70 лет, бросить с места «уничтожающую» реплику, после чего многие в зале заседаний с трудом сдерживали смех... При этом, смею утверждать, Юзеф Иосифович был убежденным марксистом, глубоко уверенным в том, что экономические отношения определяют все стороны жизни общества. Я часто думаю о том, как бы Ю.И. Серый отнесся ко всем тем методологическим идеям, которые хлынули на нашу историческую науку на рубеже 1990-х гг.? К «микроистории», «истории повседневности», «интеллектуальной истории»? Мог ли его «евромарксизм», то есть марксизм творческий, а не догматический, принять или хотя бы учесть эти новые тенденции в гуманитарном знании?

Острый ум и несомненная талантливость у Юзефа Иосифовича сочетались с ироничностью высказываний и даже известной бесцеремонностью в поведении, чего совершенно не было, например, у А.П. Пронштейна или В.А. Золотова. Он мог заглянуть на нашу кафедру и спросить у меня: «А Акимкина (так Ю.И. Серый иронично называл В.Е. Максименко, который в то время был супругом Н.А. Акимкиной. – В.С.) нет?» Мне хорошо помнится тот день, когда я летом 1980 г. принимал с Юзефом Иосифовичем в одной из групп вступительный экзамен. Он стал расспрашивать, как обстоят мои дела; я в свою очередь начал рассказывать ему о том, что до сих пор живу в комнате вместе с двумя аспирантами и не могу перевезти ни свои вещи, ни свою библиотеку... Мы еще только раскладывали на столе экзаменационные билеты, как в аудиторию заглянул помощник проректора по административно-хозяйственной части Ашот Сергеевич Даштоян, показывая глазами Серому, что хочет с ним поговорить (совершенно ясно, о чем...). Юзеф Иосифович сразу сориентировался: «Ашот, заходи, ты нам тоже нужен!» И показывая на меня: «Знаешь вот этого молодого человека? Наш новый преподаватель. Надо ему отдельную комнату дать!» А.С. Даштоян начинает что-то неопределенное говорить, они отходят

в сторонку... Конечно, не только этот разговор Ю.И. Серого помог мне вскоре получить отдельную комнату в общежитии, было и официальное ходатайство деканата, но все, кто жил в советскую эпоху, прекрасно знают, что на чисто официальные просьбы часто следовал такой же чисто официальный отказ с убедительной аргументацией... В последние годы своей жизни Ю.И. Серый, уходя с факультета, порой заглядывал на нашу кафедру и спрашивал меня, не иду ли я домой (Юзеф Иосифович жил на Ворошиловском пр., а я тогда уже получил комнату в коммунальной квартире на ул. Пушкинской, и мы могли большую часть пути идти вместе). Даже если я собирался еще что-то сделать на кафедре, я, ради прогулки с Юзефом Иосифовичем, обычно говорил, что тоже собираюсь уходить. И мы шли несколько кварталов вместе. Ю.И. Серый тронул меня, когда в начале 1984 г. сам предложил дать мне в долг довольно крупную (по тем временам) сумму, кажется, 300 или 400 руб.: «Ты ведь, я слышал, скоро едешь в Ленинград на защиту. Деньги для поездки будут нужны. А у меня сейчас есть свободные. Отдашь, когда сможешь...». Кажется, весной 1986 г. Ю.И. Серый ездил по туристической путевке в Испанию, что было редкостью в то время. Был полон впечатлений, и я уж совсем решил, что, вернувшись из отпуска, приглашу Юзефа Иосифовича в гости, не только чтобы услышать рассказы об Испании, но, главное, чтобы укрепить наши добрые отношения. Увы, летом его не стало...

Что касается А.В. Лубского, то он уже в возрасте 32–33 лет считался не просто «подающим надежды», но уже сложившимся ученым. Толик был действительно увлечен историей, много читал, причем, в отличие от меня и Алавердова, почти исключительно научную литературу. Он рано почувствовал себя «мэтром», и это у одних вызывало зависть, у других (в частности у меня) улыбку, когда Толик стремился мне несколько «покровительствовать», словно убеленный сединами профессор. Помню, была на факультете встреча с И.В. Созиным⁽¹²⁾, зам. редактора журнала «Вопросы истории». А.В. Лубский мне по-дружески сказал, что, «может быть, мне удастся тебя с ним познакомить». Но я уже несколько лет был с И.В. Созиным лично знаком, поскольку в середине 1970-х гг. вместе со своим научным руководителем А.Е. Москаленко принимал участие в написании университетского учебника по истории южных и западных славян, а Иван Васильевич был членом редколлегии этого учебного пособия. Несколько лет (до мая 1983 г.) мы с А.В. Лубским жили в соседних общежитиях на ул. Р. Зорге, и он иногда ко мне вечером заходил. К сожалению, Толику была свойственна распространенная среди русских людей слабость, но отказать ему в рюмке-другой было бы тоже не по-дружески... Однако на факультете были люди, которые зорко следили за его образом жизни. Хотя декан А.И. Козлов всячески его поддерживал, но некоторые факты «замять» не удалось, в чем неблагоприятную роль сыграла Лидия Тимофеевна Тоценко, грозившая писать во все инстанции, если А.В. Лубского не уволят. И Анатолию Владимировичу пришлось подать заявление об увольнении «по собственному желанию». Так факультет лишился одного из наиболее творчески мыслящих молодых исследователей. Очень жаль. Хотя

позже А.В. Лубский вернулся в университет, работал в ИППК РГУ⁽¹³⁾ и защитил докторскую диссертацию по философским дисциплинам, но он остался историком, а не философом. На истфаке он мог бы возглавить целое исследовательское направление. Но жизнь сложилась иначе.

Александра Петровича Логунова я знал, конечно, гораздо меньше, чем Э.Г. Алавердова или А.В. Лубского, не говоря уж об Игоре Узнародове, с которым мы более десятка лет «дружили домами». Уже к тридцати годам он сделал блестящую и научную, и, что еще было важнее, общественную карьеру. На каком-то собрании, где присутствовал первый проректор РГУ Н.Ф. Лосев, затронули жилищную проблему, волновавшую очень многих, в том числе и меня. Очередь на квартиру была в университете огромной – то ли 400, то ли 500 человек! И она почти не двигалась, так как все время находились те, кому следовало дать квартиру вне очереди... Н.Ф. Лосев сказал, что в этом и состоит социальная справедливость, когда те, кто хорошо и много работают, как, например, А.П. Логунов в парткоме, получают жилье вне очереди: «Мы будем бороться за то, чтоб эти люди остались в Ростовском университете!» Я не помню, как решился квартирный вопрос у А.П. Логунова, но знаю, что в Ростове он надолго не задержался. Интересна эволюция этого, безусловно, способного человека. Рано защитив кандидатскую диссертацию по истории КПСС об историографии партийного руководства колхозами Северного Кавказа (то есть предметом исследования было уже не само партийное руководство колхозами этого региона, а изучение всех нюансов, полагаю, не слишком значительных, в освещении данной темы), Александр Петрович стал заметной фигурой на факультете и даже в университете в целом. Он обладал ораторским даром и умел, в отличие от многих своих коллег по кафедре, преподнести набившие оскомину положения в такой красивой «упаковке», что было даже приятно его слушать... Казалось, что лучшего пропагандиста «великой партийной науки» не найти! Однако случились непредвиденные события. Наступила «гласность» и «перестройка». А.П. Логунов оказался в Москве и стал одним из ближайших учеников и помощников Ю.Н. Афанасьева. Прежние суждения были отброшены... Надо, правда, заметить, что, насколько я могу судить, в последние двадцать лет Александр Петрович не менял резко своих взглядов, и это вызывает определенное уважение. Хотя и по совершенно другим причинам, но, как и А.В. Лубский, А.П. Логунов не остался на факультете⁽¹⁴⁾.

Самым незаменимым и едва ли не самым доброжелательным человеком на факультете был мой ровесник, увы, столь рано ушедший из жизни, Эммануил Георгиевич Алавердов. Знакомый едва ли не со всем многотысячным коллективом университета, Манук готов был помочь по любому вопросу. Правда, эти черты его личности у некоторых коллег вызвали иронический отклик. Так, Ю.Е. Журавлев в разговоре со мной, говоря об Э.Г. Алавердове и его работе в деканате (он был в начале 1980-х гг. зам. декана по вечернему и заочному отделениям), назвал его «чиновником по особым поручениям». Если

Э.Г. Алавердов узнавал о возникшей бытовой или служебной проблеме, он сразу говорил: «Слава, надо обратиться к тому-то... Попробую созвониться с тем-то...» И сложный вопрос большей частью решался, даже если неожиданно возникали осложнения. Вспоминаю такой эпизод. Как-то в 1980-е гг. мы с Мануком в один и тот же семестр были направлены на повышение квалификации в Ленинградский университет. Я предполагал, что надо заранее взять билеты на самолет, но Э.Г. Алавердов меня успокоил: «Есть хорошие знакомые в аэропорту, проблем не будет...». И вдруг накануне предполагаемого отъезда Манук мне сообщает, что завтра он в Ленинград не полетит, есть еще неотложные дела в Ростове, но «ты не беспокойся, я тебя провожу...». Конечно, некоторое волнение в моей душе сразу возникло. Но утром Э.Г. Алавердов, как и обещал, заехал на своей машине за мной, и мы отправились в аэропорт. Дальше ситуация развивалась по самому худшему сценарию. Оказалось, что оба хороших знакомых Э.Г. Алавердова по разным причинам в тот день не работали. Уже объявили посадку на «мой» самолет, уже все пассажиры сели, а Манук все никак не может меня отправить... Но все же его коммуникабельность и обаяние помогли: ссылаясь на дружбу с отсутствовавшими работниками аэропорта и чрезвычайные обстоятельства, он в последний момент уговорил кого-то из пилотов посадить меня на запасное место. Изрядно поволновавшись, я благополучно прибыл в Ленинград.

С Мануком меня объединяла также любовь к книгам и к собиранию библиотек. Помню, как-то мы на машине Э.Г. Алавердова объезжали все окрестные книжные магазины, потом еще долго неторопливо беседовали (я тогда уже жил в коммунальной квартире на ул. Пушкинской) – и вдруг Манук встрепенулся, посмотрев на часы: «Уже поздно. Мне от Натальи влетит!» (Он был женат на Н.В. Рыжковой.) «Не бойся, не влетит – я тебе справку напишу!» – говорю я в ответ. И тут же на листке бумаги написал справку о том, что «доцент Э.Г. Алавердов такого-то числа с 19 до 22 час. находился в квартире В.С. Савчука и обсуждал важные проблемы современной политической и культурной жизни СССР». Встретив его на факультете на следующий день, спрашиваю: «Ну как? Справка помогла?» «Ой, Слав, еще как помогла! Наталья дверь открывает, только хотела на меня обрушиться, а я спокойно достаю бумагу. Она сначала даже перепугалась, а потом расхохоталась – инцидент был исчерпан». Если говорить всерьез, то Э.Г. Алавердов был в моей жизни, может быть, единственным человеком, с которым у меня были совершенно разные взгляды (в частности – политические), но с которым я никогда не ссорился и, более того, чьи аргументы, высказанные спокойно и в дружеском тоне, я позже часто обдумывал и в какой-то мере учитывал. Помню, в конце 1980-х – самом начале 1990-х гг. мы часами на разных заседаниях обсуждали и систему специализации, и в целом учебную программу, поскольку тогда стали говорить о праве Ученого совета (университета? факультета?) решать самостоятельно эти вопросы. После одного из таких заседаний Манук иронично заметил: «Вячеслав Сергеевич, в Думу тебе надо идти! В Думу... А вообще-то вы напрасно копыя ломаете... Государство нас не

оставит». И точно: скоро стали приходить из Министерства все новые и новые ограничения и перечни обязательных дисциплин, так что от ранее декларируемых «вольностей» почти ничего не осталось.

¹ Юрий Александрович Поляков (1921–2012) — историк, специалист в области истории России XX в., особенно — периода революции 1917 г. и Гражданской войны. Профессор (1970). Академик РАН (1997).

² Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992) — советский историк-медиевист, специалист по истории средневековой Англии и историографии истории средних веков. Доктор исторических наук (1955), профессор (1958) Московского университета.

³ Наталья Александровна Богодарова (1944–2015) — историк-медиевист, ученица Е.В. Гутновой, специалист по истории и культуре средневековой Англии. Кандидат исторических наук (1978).

⁴ Андрей Александрович Жданов (1896–1948) — советский партийный и государственный деятель. С 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б), с 1939 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). В августе 1946 г. выступил с докладом, в котором резко критиковал творчество А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко и других выдающихся писателей XX в. Доклад А.А. Жданова послужил основой известного партийного постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

⁵ Трофим Денисович Лысенко (1898–1976) — советский агроном и биолог, основатель псевдонаучного направления в биологии («мичуринской агробиологии»). Академик АН СССР (1939). Награжден 8 орденами Ленина. Лауреат трех Сталинских премий первой степени (1941, 1943, 1949). Герой Социалистического Труда (1945). Несет непосредственную ответственность за разгром научной генетики в СССР. Работавший с 1947 г. в аппарате ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов рассматривал жалобы ученых на Т.Д. Лысенко и 10 апреля 1948 г. выступил в Политехническом музее перед партийными пропагандистами с докладом «Спорные вопросы современного дарвинизма», в котором попытался защитить научную генетику и несколько критически оценил идеи Т.Д. Лысенко.

⁶ Михаил Константинович Петров (1923–1987) — философ, культуролог, историк, теоретик науки. В 1959 г. исключен из КПСС и уволен с должности зав. кафедрой иностранных языков Ейского высшего военного авиационного училища летчиков за неопубликованную, но посланную автором в ЦК КПСС повесть «Экзамен не состоялся». С 1962 г. — преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского университета. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Философские проблемы науки о науке». Работал на кафедре философии РГУ. В 1969 г. опубликовал статью «Предмет и цели изучения истории философии». Из-за идеологических обвинений вскоре был отстранен от преподавания философии. С 1970 г. в течение многих лет работал в Северо-Кавказском научном центре высшей школы. Все его основные труды увидели свет после кончины автора (начиная с 1991 г.).

⁷ Ю.А. Жданов являлся с 1947 г. зав. отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (очень любопытно, что в конце 40-х гг. И.В. Сталин рассматривал науку как часть «пропаганды и агитации!»), а с декабря 1950 г. — зав. Отделом науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), с июля 1952 по март 1953 г. — зав. отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК КПСС. С 1953 по 1957 г. — зав. отделом науки и культуры Ростовского обкома КПСС.

⁸ Максим Максимович Литвинов, являвшийся с 1930 г. наркомом по иностранным делам СССР, в мае 1939 г. был отстранен от работы. На эту должность (по совместительству) был назначен Председатель Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов.

⁹ Андрей Чеславович Козаржевский (1918–1995) — филолог-классик, специалист по истории античной литературы и преподаванию древних языков. Кандидат филологических наук (1954). Зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ (1967–1995). Профессор (1985).

¹⁰ Сергей Юрьевич Врадий в 1982 г. окончил Восточный факультет Ленинградского университета. Кандидат исторических наук (1988). Специалист по истории общественной мысли Китая XIX в. С 2004 г. работает в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

¹¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции.

¹² Иван Васильевич Созин — историк-славист, специалист по истории Польши XVIII в. Кандидат исторических наук. Многие годы работал зам. редактора журнала «Вопросы истории».

¹³ Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного университета.

¹⁴ Александр Петрович Логунов — выпускник исторического факультета Ростовского университета. Кандидат исторических наук (1981). Доктор исторических наук (1992). Профессор (1995). Зав. кафедрой культуры мира и демократии Историко-архивного института РГГУ. Декан факультета истории, политологии и права ИАИ РГГУ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Балтер Б. До свидания, мальчики! М.: Советский писатель, 1991. 365 с.

Вяземский П. Старая записная книжка. М.: Захаров, 2000. 365 с.

Сартр Ж.П. Тошнота // Ж.П. Сартр. Стена: Избранные произведения. М.: Политиздат, 1992. С. 15–176.

REFERENCES

Balter B. *Do svidaniya, mal'chiki!* [Goodbye, boys] Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1991. 365 p. (in Russian).

Vyazemskij P. *Staraya zapisnaya knizhka* [Old notebook]. Moscow: Zaharov Publ., 2000. 365 p. (in Russian).

Sartr Zh-P. Toshnota [Nausea], in Sartr Zh-P. *Stena: Izbrannyye proizvedeniya* [Wall: Selected Works]. Moscow: Politizdat Publ., 1992. Pp. 115–176 (in Russian).